

Виктор АЛЕВЕТДИНОВ

Королева фей и Стрелка Судьбы

Не трогай стрелку

Восточная мистическая сказка-детектив

Виктор Алеветдинов

Королева фей и стрелка судьбы

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Королева фей и стрелка судьбы / В. Алеветдинов — «Автор»,
2026

Современный турист, одержимый железными дорогами и архивами, покупает билет на легендарный паровоз «Королева фей» — и вместе с составом проваливается в «сжатое» XIX столетие. На каждой станции его встречают развилки судьбы и доска, где рядом с «как было» мерцает опасное «как могло быть». Но поезд застрял между эпохами: из Станционного регистра вырвана страница, и стрелки начинают двигаться сами, подстраиваясь под желания пассажиров. Следуя уликам — скрытой подписи на билете, латунному жетону-узлу и чужой печати, — герой ведёт ретро-детектив на колёсах. Ему предстоит раскрыть, кто украл страницу ради «лучшей версии мира», и выдержать главное испытание: не тронуть стрелку, даже когда кажется, что исправление прошлого спасёт будущее. Восточная мистическая сказка-путешествие о мере, искушении и цене выбора.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Билет, который помнит	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Виктор Алеветдинов

Королева фей и стрелка судьбы

Часть I. Билет, который помнит

Колокол в дальнем конце зала дрогнул один раз – да так, что тонкая пыль на витрине с маршрутами шевельнулась. Андрей поднял голову, хотя колокол звенел не для него: экскурсовод собирал группу школьников. Шум тут же утонул в гуле кондиционера и в мерном скрипе музейных половиц.

За стеклом кассы лежали билеты, одинаковые по форме и разные по весу. Андрей это почувствовал ещё до покупки: одни были лёгкие, сувенирные, другие тянули ладонь. Он пришёл за атмосферой – так Андрей объяснял это себе в такси, пока за окном тянулись улицы Нью-Дели, пыльные от тепла и выхлопа. Но в груди зудела другая причина, более точная и неудобная: хотелось оказаться в системе, где линия и стрелка имеют смысл, где расписание подчиняет хаос.

Кассирша подняла глаза и произнесла фразу ещё до приветствия:

– Восточная дорога не ведёт туда, куда ты хочешь – она ведёт туда, где ты нужен.

Слова нарушили тишину раньше, чем кассовый ящик успел щёлкнуть. Андрей на мгновение замер. В музейном зале пахло полировкой, старой бумагой и жаром с улицы. За стеной, в ангаре, дремал паровоз с латунными табличками, вылизанный до музейного блеска. На стенах висели фотографии: офицеры, инженеры, пассажиры в белых кителях; лица сдержанные, взгляды настороженные, и каждый уже знал цену дороги.

– Один билет? – спросила кассирша, и в слове «один» звучала оценка.

– Да, – ответил Андрей. – На «Королеву фей».

Он показал на афишу. На ней стояло английское *Fairy Queen* и русская подпись поверх: «Королева фей. Памятный маршрут». Внизу – мелкий текст о годе выпуска паровоза и о наследной линии, которую берегут семейной записью.

Кассирша на афишу не взглянула. Внимание осталось на Андрее. Она видела его привычки, читала по карманам.

– Люди берут этот билет ради снимка. Ради рассказа. Ради того, чтобы в поезде им улыбнулась удача, – сказала она и потянулась к ящику. – Вы за чем пришли?

Андрей хотел выдать лёгкую туристическую фразу, но язык не послушался. Всплыло детство – комната, фанера на полу, собранный отцом круг рельсов. Отец ставил стрелку и показывал рычаг: «Тут главное – один ход. Два подряд ломают зубцы». Андрей учился терпению и точности. Потом отец исчез из его жизни резко, без объяснений; Андрей вырастил в себе другую стрелку – привычку объяснять всё схемой.

– За атмосферой, – всё же сказал он. – И за тем, чтобы проверить, насколько здесь всё... работает.

Кассирша улыбнулась краешком губ.

– Работает то, что записано. Остальное рвётся.

Она подала билет. Плотный, чуть шероховатый, с медной ниткой в кромке. На свету по бумаге проходили едва заметные волокна, выстроенные в узор узла. Андрей провёл пальцем: в подушечке остался микрорельеф от мягкого штампа. Ладонь уловила тихую теплоту от бумаги.

– Компостировать будете на платформе, – сказала кассирша. – Сами.

– Обычно это делает сотрудник, – Андрей посмотрел на щель компостера и на её руки.

– Обычно люди хотят, чтобы за них принимали решения, – ответила она и подвинула к нему маленький металлический штамп. На ручке штампа было выбито слово, которое Андрей прочёл по-русски с трудом: «Регистр».

Он поднял взгляд. Кассирша уже писала в журнале. Строки шли по колонкам: время, имя, номер билета. Ни одной лишней пометки.

– Имя, – сказала она без вопросительной интонации.

– Андрей.

– Фамилия?

– Верещагин.

Перо скользнуло. Кассирша произнесла фамилию тихо, пробовала звук.

– Верещагин... Вы умеете слушать металл, Андрей Верещагин?

– Слушать?

– Вы уже слушаете, – она кивнула на ангар.

Из-за стены донёсся глухой звук – далёкий удар, потом мягкий откат. Там шевельнули рычаг, проверили сцепку. Андрей почувствовал: в груди сдвинулся внутренний центр тяжести. Его слабость пряталась под видом силы: вера, что логика вытащит из любой тьмы. Сегодня эта вера тянула его вперёд, к составу, который стоял за стеной.

– С вас... – кассирша назвала сумму, а затем добавила вторую цифру, тихую. – И ещё.

– За что? – Андрей машинально потянулся к кошельку.

– За страницу, – сказала она, речь шла о чаевых. – Её не хватает, когда люди входят в историю с грязными руками.

Андрей замер.

– Я не беру архивные вещи.

– Тот, кто обещает, уже торгуется, – ответила кассирша и постучала пальцем по штампу.

– Ставить будете?

Он хотел спросить, какой ещё штамп, какая страница, какой регистр. Вместо этого посмотрел на билет. Нижнее поле, рядом с датой, начало темнеть тонкой линией, следом воды на рисовой бумаге. Буквы поднялись слабым серым слоем поверх печати.

«Станционный смотритель...» – Андрей различил только начало. Дальше символы распались на пятна, и бумага снова стала чистой.

– Вы это видите? – он поднял билет к стеклу.

Кассирша не подняла головы.

– Видят те, кто смотрит, – произнесла она. – И молчат те, кто хочет доехать.

Она пододвинула витрину с сувенирами. Там лежали латунные кружки-жетоны с узором-узелом. В центре каждого – выемка, круглая, под печать.

– Жетоны продаются? – спросил Андрей.

– Жетоны переходят, – ответила кассирша. – У узла есть привычка находить ладонь.

Он отдернул руку от стекла. В зале стало тесно от людей: подошла новая пара туристов, кто-то смеялся, кто-то щёлкал камерой. Андрей убрал билет в карман, через ткань пальцы снова уловили тепло. Кассирша закрыла журнал и наконец посмотрела прямо.

– Ваша платформа справа. Колокол прозвенит один раз. Дальше слушайте пар.

Андрей вышел из музея, воздух ударил в лицо сухим жаром. С платформы тянуло запахом, которому здесь неоткуда было взяться: сандал, уголь, горячая латунь. Тело ответило раньше мысли – горло пересохло, ладонь крепче сжала ремень сумки.

За воротами виднелась кромка ангара. Там, в тени, шевельнулся человек в форме, и на секунду Андрей увидел его лицо: вежливое, почти пустое, с глазами, которые задают вопросы. Колокол на платформе снова дрогнул. Один раз.

Пар ударил в лицо внезапно, горячей влажной полосой, и Андрей отступил на шаг, уткнувшись плечом в чужую сумку. Кто-то ругнулся по-английски, кто-то засмеялся. На платформе толпились люди: туристы в лёгких рубашках, семейные пары с детьми, пожилые любители старины. На краю толпы стояли двое в одежде другого века – строгие ткани, высокий воротник, обувь без современных резиновых подошв. Они не оглядывались по сторонам. Их взгляд уходил в даль путей.

У самого локомотива парень в панаме попросил:

– Снимете нас? На фоне таблички!

Андрей взял телефон, привычно выстроил кадр, но пальцы дрогнули. На экране латунь вспыхнула холодным светом, и рядом с буквами *Fairy Queen* на миг проявилась тонкая вязь, которой не было на металле. Андрей моргнул – надпись исчезла. Он вернул телефон владельцу так быстро, что тот удивлённо поднял брови.

Тепло пара снова коснулось лица. Андрей вспомнил перрон родного города, где в детстве стоял рядом с отцом, слушал стук сцепок, и ждал обещанного «ещё одного круга». Тогда он верил: взрослые знают маршрут. Сейчас вера дала трещину, и вместо неё поднялось упрямство.

Андрей вышел из ворот музея и почти сразу потерял привычное ощущение времени. Над платформой висели щиты с расписанием, но буквы на них выглядели усталыми, выцветшими, это не было музейной стилизацией. В воздухе висел запах угля и сандала. Он цеплялся, заставлял сглатывать чаще. Кондиционер из зала остался в памяти, на коже – липкая плёнка жары.

У локомотива блестела латунь. Табличка на боку читалась ясно: *Fairy Queen*. Под ней – маленькая пластина с номером. Андрей потянулся пальцами к металлу, но остановился. Слишком много людей, слишком много рук. Он вспомнил кассиршины «грязные руки» и неожиданно почувствовал стыд: его уже проверили и нашли лишнее.

Колокол прозвенел один раз. Громкоговоритель молчал. Толпа сдвинулась от невидимого толчка.

У стойки посадки стоял мужчина в форме. На вид – служащий музея, аккуратный жилет, шапочка с эмблемой. Лицо вежливое, взгляд спокойный, в этом спокойствии пряталась привычка замечать мелочи.

– Билет, – сказал он по-русски, произнеся слово точно, без акцента.

Андрей протянул билет. Бумага снова тёплая. Мужчина не взял её сразу, оставил билет между ними, на деревянной планке стойки.

– Ставьте сами, – произнёс он и пододвинул компостер.

Компостер выглядел старым, тяжёлым, с вытертыми краями. Андрей прижал билет, надавил. Металл щёлкнул. Привычной дырочки не появилось. На бумаге выступил знак – круг, внутри узор узла, а в центре тонкая точка – место под печать.

– Непривычно, – вырвалось у Андрея.

Мужчина скользнул взглядом по отпечатку.

– Привычки берут человека в плен. Дорога любит того, кто умеет отпускать.

Эта фраза прозвучала пословицей, и Андрей понял: перед ним тот самый проводник-архивщик, о котором предупреждала интуиция. Он хотел спросить имя, должность, правила маршрута. Внутренний голос требовал инструкции, перечня, схемы. Вместо этого Андрей услышал собственное сердце, ускорившееся без причины. Тело приняло решение раньше головы.

– Я поеду, – сказал он.

Проводник слегка кивнул, принимая сказанное.

– Тогда смотрите на то, что меняется.

Андрей шагнул к вагону. Деревянные ступени отдавали сухим теплом. Подошва поймала мелкий песок. В руке завибрировал телефон: уведомление о времени. Он поднял экран. Сеть

пропала. Значок часов мигнул, затем цифры дрогнули и остановились на другом значении. Андрей отдернул руку; экран показался чужим предметом.

В вагоне-ресторане уже расставляли стаканы. Звенела посуда, пахло чаем и специями. Ветер, который тянулся по платформе, сюда не доходил. Воздух двигался иным способом: веер в руке официанта разгонял жар, шевелил ткань занавесок, поднимал тонкую пыль с пола.

За окнами ещё виднелся музейный забор, машины, рекламные щиты. Андрей моргнул – и на месте машин увидел повозку с навесом, запряжённую худой лошастью. Реклама исчезла. Вместо неё висел выцветший плакат с надписью на языке, который Андрей читал плохо. Он схватился взглядом за знакомые буквы, попытался разложить их на смыслы. Мысли споткнулись.

Шум платформы изменился постепенно. Гул двигателя на дороге растворился. Взамен пришёл скрип дерева, редкие команды низким голосом, стук шагов по земле. Запах асфальта ушёл, и вместо него в ноздри вошла сухая пыль. Холод кондиционера остался воспоминанием; по вискам потекли капли. Объявления из динамиков исчезли, их заменил колокольчик, который кто-то тряс у края платформы, предупреждая об отправлении.

Андрей вышел в коридор вагона, прижался к стене, пропуская людей. Латунная ручка двери холодила ладонь. Поезд дрогнул. Рывок прошёл по полу, отдался в коленях. Внутри у Андрея поднялась паника, злость на себя за слабость. Он всегда считал, что умеет управлять страхом, если назвать его словами. Сейчас слова не находились.

Проводник появился рядом. Он смотрел на Андрея и на билет в его руке.

– Вы уже слышите, что стало тише? – спросил он.

– Я слышу, что... – Андрей замолчал. Ему не хватило привычного объяснения.

Проводник мягко поднял ладонь, останавливая дальнейшие попытки.

– В дороге опаснее всего доказательство. Оно делает выбор за человека.

Поезд набрал ход. За окном земля стала другой – утрамбованной, пыльной. У края платформы стояли люди, которых не было минуту назад: служащие в старых мундирах, торговцы с корзинами, мальчишки с газетами. Андрей почувствовал: в животе сжалась пружина. Он сделал шаг вперёд по коридору, вглубь вагона, туда, где уже ждали места и лица.

В кармане билет снова стал тёплым. На коже под тканью это тепло ощущалось почти настойчиво, приглашением, которое нельзя вернуть обратно.

Вагон качнуло, стаканы в буфете звякнули тонко, почти обидчиво. Андрей прошёл по узкому коридору, пытаясь найти своё место, каждый шаг давался с усилием: пол под ногами жил собственной волей, пружинил, подталкивал то к стене, то к окну. На уровне глаз шла полоса лака, потёртая чужими ладонями. В лаке отражалось лицо Андрея, и отражение выглядело чужим – бледнее, строже, с прикушенной губой.

Место нашлось у окна. На табличке – номер, написанный чернилами, а не напечатанный. Андрей сел, положил сумку под лавку, проверил карман с билетом. Бумага оказалась горячей, он вынул её произвольно, чтобы убедиться: это не кожа обманывает.

Напротив, сидел мужчина в старом сюртуке. Ткань тёмная, тяжёлая, рукава на пуговицах. На коленях – шляпа, в пальцах – платок. Он смотрел на Андрея спокойно, без любопытства, это спокойствие давило сильнее, чем враждебность. Рядом, у прохода, устроилась женщина с тонкой вуалью. Вуаль скрывала лицо, но не скрывала привычку: она раз за разом касалась пальцами узелка на своей сумочке, перебирая стежки, считая их.

Современные туристы тоже были: рюкзаки, бутылки воды, фотоаппараты. Они говорили шёпотом, хотя повода для шёпота не находилось. Андрей прислушался к собственной речи, к движению языка во рту, и понял: громкий голос здесь мог бы стать вызовом.

На следующей лавке, ближе к двери, сидел телеграфист. Андрей сначала принял его за актёра – музейные постановки здесь обещали «погружение». Но форма телеграфиста ломала

эту версию. Крой и петлицы относились к одному времени, пуговицы – к другому, а ремень на груди имел пряжку с рисунком, который Андрей видел на схемах более поздних линий. Набор деталей сходился, но не складывался.

Телеграфист сжимал в руках блокнот. Не туристический, без обложки, на грубой бумаге. Он писал короткими движениями, потом останавливался и слушал. Ухо ловило звук, которого Андрей не слышал. Пальцы телеграфиста иногда делали жест работы телеграфным ключом, хотя ключа рядом не было.

Андрей наклонился вперёд, пытаясь разглядеть пряжку.

– Простите... – начал он по-английски, затем осёкся. Язык внезапно показался здесь лишним инструментом.

Телеграфист поднял глаза. В них было раздражение, и в раздражении – страх, который он прятал под каменной складкой губ.

– Не спрашивайте, – сказал он по-русски, резко. – Слова цепляются.

Эта русская фраза ударила сильнее, чем грубость. Андрей ощутил: в груди поднимается привычная уверенность: сейчас он найдёт объяснение. Найдёт источник русского языка, найдёт реконструкторов, найдёт правила игры. Эта уверенность всегда спасала его в чужих странах, в непонятных ситуациях. Сегодня она тянула его к ошибке.

В проходе появился проводник. Тот самый – спокойный, с лицом, которое запоминают. Он опустился рядом с Андреем на край лавки, не спрашивая разрешения, и так же легко встал, проверяя реакцию.

– Вы ищете год по пуговицам? – спросил он тихо.

Андрей почувствовал, что краснеет.

– Есть несостыковка.

– Несостыковки любят тех, кто хочет правоты, – проводник чуть повёл подбородком в сторону телеграфиста. – Посмотрите на страх. Он точнее пуговицы.

– Он боится меня? – Андрей сказал это с неожиданной злостью.

– Он боится выбора, – ответил проводник. – Вы тоже.

Андрей хотел возразить, но в этот миг вагон снова качнуло, в окне мелькнула станционная вывеска. Буквы читались иначе, чем минуту назад. Он вытащил телефон, проверил запись видео. Файл оказался пуст. Экран показал только чёрное поле и короткую ошибку. Андрей сжал пальцы вокруг телефона до боли.

Проводник смотрел на его руки.

– Здесь вещи забывают новые привычки, – сказал он. – И оставляют старые.

– Поезд идёт... куда? – Андрей заставил себя задать вопрос.

Проводник улыбнулся едва заметно.

– Туда, где у вас появится вопрос важнее этого.

На столике у окна лежал журнал маршрута – тонкая тетрадь, которую Андрей не заметил сразу. На обложке стояла печать: круг с узлом, точка в центре. Андрей провёл пальцем по печати. Бумага под пальцем откликнулась теплом.

– Это ваше? – он кивнул на журнал.

Проводник не ответил. Вместо ответа он поднял билет Андрея двумя пальцами, не касаясь его полностью, и повернул к свету. На нижнем поле выступили серые буквы – уже без колебаний, уверенно.

«Станционный смотритель: не ищи того, кто взял. Ищи того, кто предложил».

Проводник вернул билет, передал опасный предмет.

– Прочли? – спросил он.

– Да.

– Тогда следите за тем, кто дарит.

Андрей перевёл взгляд на телеграфиста. Тот сидел, уткнувшись в блокнот, и пальцы его снова делали жесты невидимого ключа. Из кармана сюртука телеграфиста выглянул край чего-то круглого, тёмного. Печать. Андрей заметил рисунок – не местный орнамент и не привычный британский знак. Геометрия, сдержанная и холодная.

Телеграфист поймал его взгляд. Его рука мгновенно закрыла карман. В глазах вспыхнуло предупреждение.

– Смотрите в окно, – процедил он. – Там безопаснее.

По коридору прошёл запах чая. Официант остановился у дверей, предложил чай. Андрей отказался жестом. Ему стало ясно: кто-то везёт страницу, и кто-то уже понял, что Андрей это заметил. Он спрятал билет обратно в карман и впервые за весь день ощутил: интерес сходит на нет; остаётся страх – чистый, без объяснений.

Андрей сжал ремень сумки так, что костяшки побелели. В этой боли появилось простое решение: смотреть, запоминать, не тянуться к рычагам судьбы.

Вдалеке, впереди состава, прогремел металл. Поезд замедлялся. Проводник поднялся.

– Следующая станция задаёт версию, – сказал он, и в этих словах звучало предупреждение. – Берегите руки.

Окно потемнело от тени. Андрей увидел впереди силуэт моста. Вода под ним уже ждала.

Колёсный гул оборвался на полуслове, тишина ударила в уши так, что Андрей невольно оглянулся – поезд замер на короткую паузу, решая, выпускать его дальше или оставить здесь.

Дверь вагона открыли вручную. Металл защёлкнулся, ступени отдали сухим теплом. Андрей спустился на платформу и сразу почувствовал смену воздуха: вместо музейной пыли – горький дым, вместо городского шума – голоса торговцев и редкий звон меди. Свет стоял жёсткий, белёсый; от навеса тянулась полоса тени, в ней шевелились фигуры в одежде XIX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.